

О КОМИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ

* * *

I. Баснословная древность.....	3
<i>Теогония и чудища; антропогония; огонь и потоп; золотой век</i>	
II. Боги.....	8
<i>Жизнь на Олимпе; рождения богов и священный брак; влюбленность богов и происхождение героев</i>	
III. Женщины.....	14
<i>Аталанта; «гинекократия» и перемена пола</i>	
IV. Герои.....	16
<i>Хирон; Геракл и пиры; Тесей и расправы над злодеями; Персей-счастливчик; Мелеагр; Беллерофонт и глупые богоборцы; Одиссей и прочие хитрецы и умельцы; Дедал и ходячие статуи; Полиид и воскрешение мертвых</i>	
V. «Пародия».....	25
<i>Гомер и Троянская война; ужасы трагедии</i>	
Заключение	27

* * *

...quemadmodum Cassandra occidit filios suos, et pueri mortui iacent sic ut vivere putes. habeo capidem quam reliquit patrono <meo> rex Minos, ubi Daedalus Niobam in equum Troianum includit.

«Там нарисовано», как Кассандра детей убивает, – мертвые мальчики лежат, ну, прямо как живые... Еще чаша, царь Минос ее моему благодетелю оставил, там Дедал Ниобу в Троянского коня засовывает...

Петроний, «Сатирикон», ЛП 1-2

Речь Тримальхиона, из которой взята эта цитата – довольно редкий в римской литературе образец шутки на мифологическую тему. Имена и сюжеты перепутались в его голове, и лишь эта путаница в сочетании с его бахвальством и невежеством вызывает смех Петрония; сами же сюжеты кажутся далекими, заведомо серьезными и наскучившими. Римляне, а вслед за ними и другие европейские народы почти не восприняли греческой традиции мифологической комедии («Амфитрион» Плавта – это почти первые шаги римской словесности), и вместе с нею почти потеряли одну из сторон восприятия греческих мифов, привычную народу, сочинившему их. Еще убедительней пример сатирической драмы – жанра, облакающе-

го в комическую форму именно мифологическое (почти без исключений) содержание; ее не восприняла ни одна из позднейших литератур, воспринявших систему жанров греческой словесности. Не всегда отделявшие миф от басни греки, похоже, умели иногда слышать в них просто шутку – иногда с серьезным намеком, а иногда и без; прочие обычно слышали в греческих мифах прекрасное или ужасное, мудрое или несуразное, но только не веселое.

Комедии на мифологические сюжеты в Греции писались весьма часто – особенно высок их процент у сицилийских комедиографов во главе с Эпихармом, но немал он и у афинских, особенно периода Древней и, в меньшей степени, Средней комедии; только в этот последний период мы главным образом и встречаем то, что называют «пародией» на мифы – смех над мифом, а не вместе с ним. Из Новой комедии мифологические драмы исчезают; таким образом, доля мифологических комедий неуклонно уменьшается, от 70-80% у Эпихарма до нуля у Менандра. Сейчас во «Фрагменты комедиографов» входят сведения о более чем трех сотнях мифологических комедий. Для сравнения, греческих трагедий, дошедших и недошедших, мифологических и немифологических, известно четыре – пять сотен. От большей половины этих драм сохранилось только заглавие, которое не всегда позволяет судить хотя бы в общих чертах о сюжете, а из дошедших фрагментов текста лишь немногие что-то говорят о содержании. Мы не будем вступать в дискуссии о реконструкции конкретных комедий; наша задача – не филологическая, а мифографическая: очертить круг сюжетов мифологической комедии. Попутно мы попробуем указать – на основе фрагментов или косвенных свидетельств, а часто и только на основе догадок – что же комического можно было усмотреть в данном мифе.

Но сюжетов мифологической комедии и сатирической драмы так много, что их перечисление оборачивается изложением чуть ли не всей мифологии через комедию, *комическим циклом*. Древние мифографы, чтобы описать мифологические времена в целом, от начала до конца, от возникновения мира до исторического периода, не раз строили свое описание как сумму сюжетов эпических поэм; это называлось *эпический цикл*. Асклепиад из Трагила, возможно, построил свои «Трагедумы» как *трагический цикл*: мифология излагалась как сумма сюжетов трагедий. Таким же образом обычно излагается греческая мифология и сейчас – как «эпико-трагический цикл», как сумма сюжетов эпоса (включая, обязательно, Овидия) и трагедии. Однако мифологических комедий, сатирических драм и мифологических басен было достаточно, чтобы составить «комический цикл»: его общие черты мы попробуем набросать.

Иногда, от случая к случаю, и древними учеными комедия рассматривалась как авторитетный источник знания мифов (примеры встретятся ниже¹), но никогда – последовательно. Пускай делать это последовательно, т. е. с важным видом систематизировать шутки, наверно, можно только в шутку; все же если не в серь-

¹ Ссылка на Эпихарма в схолиях к Пиндару (Ol. IX 68), пересказ Амфиса в «Поэтической Астрономии» Гигина (II 1, 2) и др.

езности, то в некоей законности этого начинания убеждает нас, во-первых, то, что при дополнении суммы источников «комическим циклом» общая картина греческой мифологии дополняется и исправляется – ведь выясняется, что многие сюжеты, обычно воспринимаемые и нами, и уже Петронием, как заведомо серьезные, для греков классической эпохи часто были скорее поводом посмеяться, – а во-вторых, то, что «комический цикл» и сам по себе оказывается имеющим внутренний порядок и смысл – центральные темы, любимых героев, повторяющиеся мотивы; если мифы вообще – рассказы о жизни богов и героев, то мифы комического цикла – рассказы о счастливой жизни богов и героев.

I. БАСНОСЛОВНАЯ ДРЕВНОСТЬ

εἰ μὴ Προμηθεύς εἶμι· τᾶλλα ψεύδομαι.

*«...чтоб мне провалиться,» если я не Прометей;
а все остальное я наврал, «конечно».*

Аристофан, фрг. 645

Теогония и чудища

В отличие от «трагического» цикла, у «комического» есть положенное всякому циклу начало: трагедий о происхождении мира, богов и людей не было, но комедии были. Антифан, весьма плодовитый поэт Средней Комедии, написал и «Теогонию», и «Антропогонию»¹. Этот Антифан, говорят, читал одну из своих драм Александру Македонскому, а когда тот заявил, что ничего не понимает, посоветовал ему для начала научиться попойкам вскладчину и дракам с гетерами². Александр, насколько известно, не последовал его наставлениям и так ничего в комической поэзии и не понял.

«Теогонию» Антифана пересказывает Ириней, но не дает возможности понять, что в ней было смешного. Эрот, согласно Антифану, появился от Хаоса и Ночи прежде Земли, Неба и прочих богов, и остается предполагать, что именно из его действия на других участников космогонического процесса (число которых от этого увеличивалось) и проистекал комизм драмы. Известный пример космогонической шутки в комедии – отрывок о мировом яйце из «Птиц» Аристофана (690 сл.), который обычно вспоминают как пародию на орфическую теогонию. Если смотреть на вещи проще, можно увидеть в нем просто упражнение на тему *как рассказали бы о происхождении богов птицы*: если боги коров мычат и бодаются, то боги пернатых хлопают крыльями и несут яйца.

¹ Используемые издания фрагментов комедии: дорийская – Comicozum Graecorum fragmenta / Ed. G. Kaibel, vol. I, Berlin, 1899; аттическая – Comicozum Atticorum fragmenta / Ed. T. Kock, vol. I-III, Leipzig, 1880-1888, а также: The Fragments of Attic Comedy / By J. M. Edmonds, vol. I-III, Leiden, 1957-1961; папирусные фрагменты – Comicozum Graecorum fragmenta in papyris reperta / Ed. C. Austin, Berlin – New-York, 1973. Сатирическая драма: Tragicorum Graecorum Fragmenta / Edd. B. Snell, S. Radt, R. Kannicht, vol. I-IV, 1971-1985 (Эсхил, Софокл, малые трагики); TGF / Ed. A. Nauck, 1889 (Еврипид). Ссылки на отдельные драмы из этих собраний далее не даются.

² Athen. XIII 1, 1.

В глубокой, таинственной (или: баснословной, допотопной) древности, кроме богов, на свет являлись и другие *сверхъестественные существа* (или: *диковинные чудища*) – всякие титаны, гиганты и т. п. Титаны были хором комедии Кратина младшего, титаны и гиганты – комедий Эвбула; в «Гигантах» Эвбула, кажется, вонючий дым от лежащего под Этной Тифона казался кому-то благоуханием, исходящим из кухни искуснейшего повара. Миртил написал неких «Титанопанов»; по догадке Майнеке, если это и мифологические существа, то чересчур прозрачные для аллегорического толкования – ведь *пан*, по Гесихию, значит, в частности, *эротоман*, а *титан* – *педераст*. Эпизоду ли приключений Одиссея или золотому веку были посвящены «Циклопы» Каллия и Диокла, вызывала улыбку толпа одноглазых великанов сама по себе. Комедия Никофонта называлась *χειροῦστωρες* или *γαστερόχειρες*, *рукобрюхи* или *брюхоруки*; это слово обычно трактуют как название одного из видов циклопов (а именно тех, которые построили «циклопические» сооружения), объясняют, как «наполняющие брюхо трудами своих рук»¹, и возводят к Гекатею², но и само слово, и объяснение весьма похожи на шутку комедиографа.

Смехотворными могут быть любые баснословные чудища³ – те, которые должны были съесть Андромеду и Гесиону в комедиях о них, кентавры в многочисленных комедиях с их участием, Химера в «Беллерофонте» Эвбула. Достаточно задаться вопросом, чем питается соединенная из хищного, травоядного и пресмыкающегося Химера (ответ одного персонажа комедии другому был бы, наверно, «всею, начиная с тебя»), или вопросом, который всерьез задает Лукреций⁴: в каком возрасте кентавр взрослеет (и начинает, как ему свойственно в мифах, бросаться на женщин) – через годы, отведенные на взросление жеребца или человека? Мы бы добавили: а почему вообще все известные мифам кентавры – жеребцы?

Наконец, премудрая Сфинкс, сидевшая у ворот Фив, чтобы посмеяться над идущими мимо людьми (которые, даром что идут, не знают, на скольких ногах они это делают, а еще думают, что могут загадки отгадывать), дала свое имя комедии Эпихарма и сатировской драме Эсхила (входившей в ту же тетралогия, что и «Семеро против Фив»)⁵. Если вспомнить, что Сфинкс рисуют крылатой, то обычное сообщение мифографов, что она «бросилась со скалы»⁶, начинает походить на рассказ об утопившейся рыбе.

¹ Suda et Hesych. s. v., Str. VIII 6, 11 etc.

² FGrHist IA 1 F 367.

³ И не только допотопные: чудище из настоящего также появлялось в комедии. «Альционей» Эпихарма, возможно, был посвящен истории о Ламии, рассказанной Антонином Либералом (8), ее родственница Эмпруза появляется в «Лягушках» (288 sqq.), а «Эфиальт» Фриниха-комика – это демон, душающий спящих.

⁴ V 883 sqq.

⁵ А сколько ног было у нее самой?

⁶ Apld. III 5, 8, Hyg. Fab. 67, Diod. Sic. IV 64, 4 etc.

Антропология

Фрагменты «антропологии» Антифана не говорят о ее содержании, и можно только догадываться, как неуклюжи и неопытны могли быть только что слепленные люди, как не могли решить, на скольких ногах им ходить, как натыкались на предметы и задавали нелепейшие вопросы. Есть, однако, другой источник сведений о том, как греки шутили на тему сотворения человека: это басни Эзопа, которые по-гречески, как известно, так и называются «мифы». Они рассказывают, например, как Гермес вливал в заготовки людей ум равными порциями, так что длинным его досталось слишком мало (110 Hausrath), или как боги, делая человека, забыли вложить в него стыд и потом им пришлось вводить его внутрь самым постыдным путем (111), или как в мастерской творца детали изготавливаемых людей перепутались с другими. Тогда то ли некоторые животные были по требованию начальства поспешно переделаны в людей, но только снаружи, а внутри остались лисами, зайцами и т. п. (228), то ли к сроку человеческой жизни за недостатком нужного материала приделали годы, отхваченные у зверей, так что человек совсем недолго живет как человек, а потом либо пашет, как вол, либо лает, как собака (107). Басня 102 содержит целую систему насмешек над новенькими творениями: относительно человека Мом сожалеет, что у него душа (букв. φρένες, что в данном случае можно перевести *печенки-селезенки*) не снаружи и не видно, каков он и что замышляет. Софокл и Ахей Эретрийский написали сатирические драмы «Мом», надо полагать, по сюжетам басен, ибо мифов в узком смысле слова об этом боге неизвестно.

Шутка Мома заставляет предположить, что и грекам был известен зафиксированный у других народов миф, как человек сначала был сделан внутренними органами наружу, а потом из эстетических соображений вывернут наизнанку¹. Детали такого рода во всем известной речи Аристофана из «Пира» еще грубее (а сама она, конечно, похожа скорее на «мифы» Эзопа, чем Гомера и Гесиода). Ремесленник Гефест со своими инструментами несколько раз перекраивает неправильно (с точки зрения заказчика) сделанного человека самым бесчеловечным образом (Plat. Conv. 189c sqq.). Напомним, что первая модель людей, четвероногая и четверорукая, для быстроты передвижения каталась, толкаясь торчащими во все стороны восьмью конечностями.

Таким образом, «серьезная» форма мифа о сотворении человека сводится к простой констатации: *кто-то* (боги или Прометей) *слепил его из глины*², а любые известные грекам детали уже комичны, и в их свете сама эта повторяемая мифографами фраза начинает звучать сердитым ответом на назойливый вопрос:

– *А откуда взялись люди? Ну откуда?*

– *Из глины слепили, как горшок, отвязись.*

¹ Ср. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.-Л., 1931. С. 10.

² Hyg. Fab. 142, Ovid. Met. I 82, Paus. X 4, 4, Luc. Dial. Deor. 5, 1.

Огонь и потоп

Согласно рассказу Платона в «Протагоре» (320C sqq.), также весьма похожему на басни, были такие два брата, дурак и умный, с говорящими именами *Эниметей* и *Прометей* (а говорящее имя свойственно персонажу комедии, никак не эпоса или трагедии¹), и им боги поручили как-нибудь пристроить неизвестно зачем слепленных людей. В результате действий глупого они уже были готовы вернуться в небытие, когда умный стащил у богов и дал подопечным то, что плохо лежало, – это оказался огонь, никому, кроме хромого и занятого работой Гефеста, не нужный. Государственную же мудрость, уточняет Платон, Прометей стащить не смог: она лежала на дворе у Зевса, где была хорошая охрана. Вручение Прометеем огня людям никогда не было, в отличие от его наказания, темой серьезного поэтического произведения, но несколько раз – смешного. Эсхил рассказывал о нем в сатирической драме «Прометей огненосец». В ней Прометей предостерегал сатира, бросающегося пощупать, понюхать и попробовать на язык впервые увиденный огонь: «ты бороду бы поберег, козел»².

Люди же – единственные животные, умеющие не только зажигать огонь, но и ябедничать (не сам ли хитрец Прометей и этому их научил?) – донесли Зевсу на благодетеля, и тот приказал его арестовать, а осведомителям в награду отправить эликсир вечной юности. Но осел (!), которому была доверена доставка, заключил по дороге сделку со змеей, сторожившей ручей: он ей дал эликсир, а она ему – воды напиться (мораль: неважно, что продаешь, важно, кому). Потому змеи и не стареют, а сбрасывают кожу. Этот «миф» (то есть чистейшую басню) рассказывал Софокл в сатирической драме «Немые» (Κωφοί), Ивик и трое названных Элианом комедиографов – Динолох, Аристий, Аполлофан.

Благодаря умному брату люди научились готовить вкусную еду и топить баню (Ericharm. F 27 Austin – прочие области применения огня истинного комедиографа не интересуют), и жили бы припеваючи, если бы глупый брат не совершил свою наибольшую и наименее несчастнейшую глупость, а именно не женился. Этому были посвящены комедия Никофонта, а также сатирическая драма Софокла «Пандора, или молотобойцы» – конечно, те молотобойцы, которые помогали Гефесту ее делать; как позволяют предположить фрагменты, процесс изготовления прокопченными мастеровыми женщины (т. е. механизма для изготовления людей менее трудоемким способом) был изображен в ней в деталях. В случае с Пандорой широко известная благодаря Гесиоду (Opp. 59 sqq.) басенно-комическая трактовка мифа, как кажется, совсем оттеснила его серьезный смысл – рассказ о триумфе божественного мастерства Гефеста и Афины: рождение Пандоры было изображено на пьедестале статуи Афины в Парфеноне (Paus. I 24, 7).

Умный брат ради людей еще дважды надул богов – один раз, когда боги и люди делили жертвы (Theog. 521 sqq.), а второй – при попытке богов их уничто-

¹ То, что имя говорящее, обыгрывалось в комедии: Προμαθεύς ... προμαθευόμενος – Ericharm. F 85, 12 Austin.

² Τράγος, γένειον ἄρα πενθήσεις σύ γε – F 455.

жить, когда он научил прародителей нынешнего человечества построить «ковчег». Об этом говорилось в комедии Эпихарма «Прометей или Пирра», и ни до, ни после этого мифу о потопе не было в Греции посвящено сколько-то древнего, авторитетного и подробного поэтического памятника¹, так что схолиаст Пиндара (Ol. IX 68), изыскивая, на чей бы авторитет сослаться, чтобы подтвердить знаменитую этимологию *λαός – λάας* (*народ – камень*), не нашел никого, кроме Эпихарма² (а в таком контексте и этимология начинает звучать шуткой). Далее мы не один раз столкнемся с тем, что драмы Эпихарма играют для «комического цикла» роль, подобную роли гомеровских поэм для цикла эпического – роль точек отсчета и образцов для подражания.

Прародителей звали Девкалион и Пирра, т. е. *Блондин*³ и *Рыжая* (а смуглые и черноволосые греки – это, надо полагать, потомки тех муравьев, о которых см. ниже), их «ковчег» был большим и пестрым (Epicharm. F 1 Austin), еле-еле, но все же выдерживал морские шквалы (Pherecrat. F 117), хотя решительно никак не управлялся. По-гречески он назывался *λάρναξ*, собственно *ларь, ящик, сундук*, – то же самое, в чем плавала по морю Даная с Персеем; имеется ли в виду, что вода занимала все пространство до неба, или, скорее, что до искусства кораблестроителей было так далеко, что даже Прометей до него не додумался, все равно идея навигации в сундуке весьма смела. Общаться обитателям «ковчеха» приходилось только с рыбами, а те, как известно, молчат, как рыбы – так что встреча с адриатической рыбой *Vox boops*, которая, по греческим представлениям, как-то ворчит, была событием – Pherecrat. F 113. Питались они тоже только рыбой; и пускай перечисление рыбных лакомств – любимое занятие комедиографов, все же после счастливого окончания плавания эллинская рыжая Ева просила супруга (Pherecrat. F 120):

*Только ты мне больше рыбы никогда, Девкалион,
Даже если очень-очень попрошу, не приноси!*

Оставалось восстановить человеческий род, и он был восстановлен нехитрым способом, без привлечения божественных мастеров – в людей превратились то ли камни (прибавилось ли им при этом ума?), то ли муравьи. «Серьезные» мифографы никогда не связывали второй вариант с Девкалионом (только с Эаком), а у комических они путались⁴ – как в уже цитированной нами комедии Ферекрата «Муравьелюди» (*Μυρμηκάνθρωποι*), и, возможно, в «Муравьях» Канфара и Платонакомика. Отрывок Ферекрата (121) позволяет предположить, что муравьи падали на чету прародителей (наверно, в не очень подходящий момент) сквозь чахлую крышу их шалаша, так что он внезапно заполнился толпой новоявленных гражд-

¹ В «Перечне женщин» Гесиода, как кажется, упоминался Девкалион как прародитель героев, но не потоп – см. West M. L. The Hesiodic Catalogue of Women. Its Nature, Structure and Origins. Oxford, 1985. P. 56.

² Известно и четыре аттических комедии «Девкалион» или «Пирра».

³ Эпихарм называл его *Λευκαρίων* и даже *Λεύκαρος*, встречаются и варианты *Λευκαλίων*, *Λευκανίων*. Впрочем, вряд ли *λευκός* указывает на цвет волос.

⁴ Нарушение сценической иллюзии – излюбленный прием афинской комедии, и Девкалион вполне мог говорить явившемуся из муравейника человеку: *Убирайся обратно, я не Эак*.

дан. Ферекрату следовало добавить, что, ударяясь о пол хижины Девкалиона и поднимаясь на две ноги, муравьи теряли присущую им мудрость государственного общежития – ведь они никогда не устраивают ни пробок на оживленных дорогах своих городов, ни гражданских распрей.

Золотой век

В упоминавшейся выше речи Аристофана Платон вспоминает и еще одну обычную тему мифов о допотопной древности – смену на земле нескольких видов (греч. γένος, букв. *род*, традиционный перевод – *век*) людей. «Золотой век» – предмет афинской комедии, часто вызывавший внимание ее знатоков, начиная с Афиней, и кончая новейшими исследователями¹. Афиней дает подборку высказываний комедиографов о нем (VI 94 sqq.), в которую входят и слова Кратина о *царе Кроне* (не переводить ли *Горохе?*), *при котором булками играли в кости*, и знаменитый отрывок из «Зверей» Кратета, где все вещи сами делают, что нужно: стол сам подходит, кубок сам на него вспрыгивает, вино само в него наливается, а после пира можно помыться в бане, где губка сама трет спину. Звери, надо полагать, в золотом веке были мирными и говорящими и составляли хор комедии. «Золотой век» Эвполида, как показывает фрагмент 288, был посвящен пребыванию Одиссея у живущих в «золотом веке» циклопов – понятие о блаженной дикости и счастливой некультурности комически двусмысленно. Перечислять все черты этого состояния здесь неуместно; нам же кажется самой забавной из них то, как шерсть овец, пасущихся на лугах, сама красится в разные цвета, так что стадо становится живой выставкой тканей. Этим кончает описание золотого века Вергилий в четвертой эклоге, имеющей непосредственное (через Феокрита к Эпихарму) отношение к традиции мифологической комедии.

Короче, люди в золотом веке жили как боги, а боги (во всяком случае, боги греческой комедии) живут так: ничего не делают, выпивают и закусывают, а также не пропускают ни одной юбки (впрочем, гречанки юбок не носили).

II. Боги

Edunt, bibunt, scortantur.

Plaut. Pseud. 1134.

ἔπειθ' ὅταν πινώμεθ' ἢ διψώμεθα,
εὐχόμεθα πρὸς τοῦθ' ὅ οἶνος, ᾧ κέρασ, γενοῦ.'

...

καῦθις γεγένηται τοῦτο πέντε καὶ δύο.

Когда мы пьем иль только собираемся,

Мы молимся вот этому: «Вином стань, роз!»

.....²

¹ Например, Auger D. Le théâtre d'Aristophane. Le mythe, l'utopie et les femmes // Aristophane, les femmes et la cité. Les Cahiers de Fontenay, XVII. Fontenay-aux-Roses, 1979. P. 71-101.

² Третья строка фрагмента испорчена, реконструкции неубедительны.

В приведенном отрывке комедии Гермиппа, вероятно, кто-то из местных описывает попавшему на Олимп тамошнюю жизнь; «рог» – это, конечно, рог Амалфеи, а пять частей воды и две части вина смешивали, согласно Афиней, намеревающиеся выпить *нешуточно* (ἐπιτεταμένως, *seriously*, переводит Эдмондс): шутить небожителям не пристало.

Жизнь на Олимпе

Основы эллинской комической теологии заложил Эпихарм своими драмами «Свадьба Гебы, или Музы» и «Пирующие, или Гефест». В «Свадьбе Гебы» хозяева Олимпа выдавали свою единственную законную дочь, со значащим, как положено в комедии, именем (ἡβη – *молодость, полнота сил*), замуж за самого достойного из женихов, Геракла; это был одновременно и праздник его новоселья в блаженной жизни после всех трудов и несчастных браков¹. На свадьбе пел лучший на земле и на небе хор – Музы, которые, согласно Эпихарму, были дочерьми Пимплеиды от Пиера (что в данном случае, указывает Кайбель, можно перевести примерно как *Полная и Жирный*, т. е. чаша и угощение – F 41 Kaibel); их было семь, с именами, произведенными от названий рек, изобилующих (не перестает шутить Кайбель) рыбой. Каталог поданных блюд, преимущественно рыбных, даже в виде разрозненных цитат производит не меньшее впечатление, чем «Каталог кораблей» (F 42-74); по фрагменту 52 можно даже предположить, что они были разделены на своего рода отряды, а самую редкую рыбу, ἔλωψ, он же χαλκὸς ὄνιος (стерлядь?), Зевс приказал поделить между ним самим и супругой. Афина ради праздника забыла о чопорности и играла на флейте, вовсе не стесняясь того, как у нее надуваются щеки, а Диоскуры под ее игру сплясали ἐνόπλιον νόμον, какой-то танец с оружием (F 75).

Эпихармов «Гефест» рассказывал о том, как этот умелец прислал в подарок выбросившей его с неба матери трон с невидимыми путами, так что Гера на пиру обнаружила, что не может встать. Неизвестно, сколько усилий пришлось ей приложить, прежде чем окружающие боги поверили, что дело отнюдь не в излишке выпитой амброзии, и стали посылать за Гефестом. Но никому не удавалось уговорить того прийти и помочь, пока за дело не взялся Дионис, чье единственное изобретение не менее хитроумно, чем все шедевры его брата. Тогда Гефест наконец явился на пир, хромя на одну ногу по вине матери и заплетаясь обеими по вине брата, и освободил узницу, а та даровала свое благоволение обоим, принятым отныне в число олимпийцев. Об этих же событиях говорилось в сатировской драме «Гефест» Ахея Эретрийского, а впервые пир богов и их смех над Гефестом был изображен, конечно же, в первой песни «Илиады»².

¹ Не этой ли свадьбе были посвящены и комедии Ἡρακλῆς γαμῶν, «Геракл женится», Архиппа и Никохара?

² Любопытно отметить, что история Гефеста, Ареса и Афродиты из «Одиссеи», традиционно пер-

Олимпийская жизнь описывалась в комедии Ζεὺς κακοῦμενος («Зевс сердится») Платона-комика; боги пируют, играют в коттаб на поцелуи и учат этому Геракла, а он признается в пламенных чувствах некой даме, называя ее Ἀφροδίτην, *Афродитушечка*, – по мнению Эдмондса, гетере, но почему бы и не самой впервые им увиденной Афродите? Куда реже, чем на пиры, они собираются на советы, один из которых описывался в «Совете богов» Эвфрона: на нем обсуждался вопрос о введении новых богов для клятв их именем, а то имена старых совсем истрепались.

На землю всем коллективом боги спускаются только на пиры (по одиночке они спускаются, влюбившись), обычно на свадебные – на свадьбу Кадма и Гармонии, описанием которой могли кончаться комедии о Европе (см. ниже), или на свадьбу Пелея и Фетиды, закончившуюся известным конкурсом красоты богинь, т. е. «судом Париса»; согласно «Дионисоалександру» Кратина (бесспорно первого из мифографов Древней аттической комедии), этим мероприятием воспользовался Дионис, приняв облик Париса и полюбовавшись зрелищем, а может быть, сам его и подстроил. «Суд Париса» с перепалкой богинь и их явлением к неотесанному пастуху, выбранному в судьи – вообще весьма пригодный для «божественной комедии» сюжет; его описывал и Софокл в одноименной сатировской драме.

Рождения богов и священный брак

От жизни богов в целом мы переходим к событиям из жизни отдельных богов. Они немногочисленны и однообразны: ведь рассказы о смертных описывают обычно их разнообразные несчастья, весьма часто их смерть, а в жизни богов нет ни того, ни другого. Поэтому сюжеты о богах, известные комедиографам – это, во-первых, их рождение, во-вторых, любовное приключение. Впрочем, из иногда случающихся с богами временных несчастий комедиографы также умели извлекать пригодную для себя материю, примером чему описанные выше несчастья Гефеста и Геры, или горе потерявшей дочь Деметры, бывшее предметом сатировской драмы Софокла «Ямба» – так звали элевсинянку, сумевшую непристойными шутками рассмешить скорбную богиню. Мы бы весьма рекомендовали древним комедиографам и «сатирографам» также историю о том, как Арес сидел у Алоадов в медном ящике и безуспешно звал на помощь, грохоча об стенки своими доспехами, пока Гермес не украл его оттуда.

«Рождение *такого-то бога*» (γοναί + γεν.) – типичный заголовок аттической комедии. Некий комик Филиск, например, вообще писал прежде всего «рождения богов»: в списке его комедий в «Суде» таких больше половины. От его «Рождения Зевса» дошел монолог Реи, вероятно, из пролога (F 215 Austin). Она жалуется, что Крон «поедает» (или, скорее, «проедает») все, что она рождает, т. е. увозит в Мегары (подразумевается ли, что действие происходит в Афинах?) и продает, а денег жене не отдает; Аполлон (откуда он взялся, когда Зевс еще не родился?) дал займы (ἔχρησεν) Крону драхму, а тот не отдал, и тогда Аполлон предсказал (ἔχρησεν) ему

вый пример комического в эпосе, похоже, никогда не была сюжетом комедии или сатировской драмы, а невидимые пути из нее перешли в историю о пленении Геры.

дел отнюдь не на драхму – что его свергнет его сын и т. п. Смех *над* традиционным сюжетом и смех *вместе* с ним в комедии часто трудно разграничить (мало того, мастерство истинного комедиографа, наверно, именно в том, чтобы их нельзя было разграничить), но в этом фрагменте Филиска мы видим преимущественно первое, хотя сюжет – с обманом Крона, глотающего камень, с грохотом оружия прячущих Зевса Куретов, с козой Амалфеей, заведующей божественными яслями – и без предоставляет достаточно поводов для второго; возможно, они были использованы в сатиrowsкой драме Тимесифея «Рождение Зевса».

История «священного брака¹» Зевса и Геры также имеет много веселых деталей. Они сначала встречались тайком от родителей, как говорит Гомер (Э 296, явно не думая при этом о том, как рисует их отношения с родителями ставшая традиционной благодаря Гесиоду версия). Схолиаст поясняет, что «тайком от родителей» – это самосское предание. В другом из двух главных культовых центров Геры, Арголиде, рассказывали, как влюбленный Зевс превратился в кукушку, и, когда Гера гуляла, послал ужасную непогоду. Гера спряталась под скалою, а когда к ней на колени села промокшая и дрожащая кукушка, пожалела ее и укрыла подолом платья; тогда-то только этого и ждавший Зевс принял свой настоящий облик². Недалеко от этих мест в Арголиде он и изменил ей впервые со смертной, положив начало длинному ряду семейных коллизий. Согласно строгим мифографам, это было Ниоба, дочь Фороней³, по более распространенным представлениям – ее тетка Ио, о которой еще пойдет речь. Обе были жрицами самой Геры.

Другой ряд мифов гласит, что Гера не была девушкой, выходя замуж. До брака она, возможно, родила Гефеста, которого мифографы потому и называют сыном ее одной⁴, и отдала на воспитание Кедалиону на Наксос (sch. Э 296); неизвестно, было ли это сюжетом сатиrowsкой драмы Софокла «Кедалион». Похожий сюжет можно вообразить и об Аресе, которого также называют сыном ее одной – на такие размышления наводит речь Зевса у Гомера (Е 889 sqq., cf. Eust. ad locum), а подробно рассказывает историю Овидий в «Фастах» (V 229 sqq.). Существовала комедия Полизела «Рождение Ареса». Говорят даже, что Гера до брака родила от Эвримедонта (который в «Одиссее» назван царем гигантов – η 59) Прометея, и именно поэтому Зевс и расправился с ним, а похищение огня было лишь предлогом.

Из рождений богов младшего поколения первое место в комическом цикле, конечно, занимает рождение Гермеса, прямо в колыбели начавшего свои «подвиги». Широко известный благодаря гомеровскому гимну сюжет был рассказан также в «Следопытах» Софокла и, вероятно, в сатиrowsком «Гермесе» Астидаманта; не может не вызвать улыбки само изображение Аполлона не лучником и не Мусagetом, а скупым скотоводом. Столь чуждое его натуре занятие не могло увенчаться

¹ Так называлась комедия Алкея, неизвестно чему посвященная.

² Аристокл, FGrHist IA 33 F 3.

³ Apld. II 1, 1, Hyg. Fab. 145, Diod. Sic. IV 14, 4.

⁴ Hes. Theog. 927, Apld. I 3, 5.

успехом, и его брат был прав, заставив его распрощаться с коровником и дав взамен лиру.

Комедиографы часто обращались к рождению Афродиты; известно три или четыре комедии, три или четыре потому, что справка «Суды» не дает возможности понять, одна или две комедии имеются в виду под Ἐρμού καὶ Ἀφροδίτης γοναί, «Рождения Гермеса и Афродиты» Филиска; если одна, то, возможно, ее увенчивало рождение *Гермафродита*¹. В «Рождении Афродиты» Антифана содержались подробные инструкции по игре в коттаб, а строчку из комедии Никофонта ἄρ' ἀράχνιον τι φαίνεται ἐμπεφυκέναι (F 3) соблазнительно отнести к героине и подумать, какой каре она подвергла того, кому это показалось.

Не менее очевидна пригодность для комедии сюжетов о Пане и Дионисе. Неизвестно, каков был сюжет «Рождения Пана» Арара и Филиска и «Панов» Амфиса и Тимострата; возможно, даже и не к этим комедиям, а к комедиям цикла Одиссея относятся версии, что Одиссей, вернувшись домой, обнаружил там Пана, рожденного Пенелопой то ли от Гермеса, пришедшего к ней в виде козла, то ли от *всех* (πάντες) женихов вместе². Комедию «Рождение Диониса» написал Полизел, а «Семела, или Дионис» – Эвбул; в последней новоявленный бог, в частности, давал предписания, как приносить ему жертвы и в каком порядке провозглашать тосты. Сюжет о рождении покровителя комедии использовался ею на удивление редко; его очевидно комическая деталь – обман любовницы женой.

Если от Гермеса Афродита родила Гермафродита, то от Диониса – Приапа; так замыкается круг родства «комических» богов³. Неизвестно, о чем шла речь в «Приапе» Ксенарха, но сюжет, дошедший в схолиях к Аполлонию Родосскому (Π 932⁴), весьма похож на сюжет комедии: Афродита сочеталась с Дионисом, когда он отправлялся на индийскую войну, а в его отсутствие – с Адонисом, а после его возвращения в результате какого-то скандала удалилась в Лампсак, где и родила Приапа; тот был весьма уродлив (его так заколдовала Гера, а уродство заключалось в непомерном размере того, богом чего он является), и мать выбросила его, а кто-то нашел.

Комедии бывали о рождении не только этих богов, которых мы называли «комическими» – Диониса, Гермеса, Афродиты, Пана, Приапа – но и прочих. Нетрудно представить, что смешного можно было найти в сюжете о рождении Афины: головная боль Зевса, предложенное Гефестом радикальное лечение и новорожденная, выпрыгивающая в полном вооружении и, возможно, сразу начинающая спускать шкуру с каких-нибудь гигантов (ср. фрагмент Эпихарма 85a Austin);

¹ Его считали иногда сыном Гермеса и Афродиты, ср. Diod. Sic. IV 6, 5, а в Алопеке в Аттике находилось его святилище) Совсем не обязательно этому божественному Гермафродиту была посвящена одноименная комедия Посидиппа.

² Serv. Aen. II 44, Duris ap. Tzetz. sch. Lyc. 772.

³ Гермес — Афродита — Дионис

| | |

Пан Гермафродит Приап

⁴ Ср. sch. Luc. Iuppiter Tragoedus, 6.

впрочем, сохранившиеся фрагменты «Рождения Афины» Гермиппа выдержаны скорее в идиллически-сказочном стиле, чем в привычной Древней комедии манере безудержного бурлеска – все-таки речь шла о главной богине городского культа. Была и комедия «Рождение Аполлона и Артемиды» Филиска, и «Артемиды» Эфиппа. Строка из «Рождения Муз» Полизела (F 8) содержит, похоже, шутку над количеством дочерей, которых пришлось за один раз произвести Мнемозине. В комедиях, озаглавленных просто «Музы», речь могла идти о суде над поэтами – мотив, известный нам по «Лягушкам»; о нем точно шла речь в «Музах» Фриниха-комика.

Вообще те богини, которых традиция привычно именуется во множественном числе, часто являются хором комедии. Известно три комедии «Хариты» и три – «Оры» («Времена года»); в «Орах» Аристофана точно действовала Афина, а может, и другие боги. Нам трудно представить, что веселого может быть в драме, хор которой – Мойры, однако они дали имя комедии Гермиппа и сатировской драме Ахея. Нереиды были хором комедии Анаксандрида, а их отец был выведен в другой его комедии как хозяин любезного комедиографам рыбного царства и изобретатель рыбной кухни. Другой пример нехитрой шутки о богах – заглавие комедии Аристонима «Продрогший Гелиос».

Влюбленность богов и происхождение героев

Богинь довольно мало, к тому же некоторые из них привержены девству, а другие замужем; для полноценного раскрытия третьего аспекта охарактеризованной выше словами Плавта «трехфункциональной» теологии боги вынуждены сходиться с неба к земным женщинам. От этого происходят на свет герои, которым посвящена большая часть греческих мифов.

В таком мифе часто имеется превращение – влюбленного, или возлюбленной, или обоих – которое всегда достаточно смешно само по себе (была девушка, отвернулся – корова). Обман и гнев обманутой супруги – другой мотив этих мифов. Чаще других возлюбленных Зевса комедиографы писали об Ио (четыре комедии и сатировская драма Софокла). Наивная хитрость, скорей даже просто шутка Зевса, превратившего любовницу в корову и поклявшегося жене, что с этой коровой у него ничего не было – объяснение греческой пословицы *φροδίστιος ὄρκος οὐκ ἐμποιήσιος*, примерно *вранье влюбленного не считается*, в связи с которой этот миф чаще всего вспоминали¹. Другие детали – тысячеглазый сторож, обманутый Гермесом, и скачка взбесившейся коровы – не менее пригодны для комедии. Три комедии известно о Европе и две, плюс сатировская драма Эсхила, о медведице-Каллисто; при этом в комедии Амфиса Зевс соблазнял Каллисто в облике Артемиды, так что, когда Артемиды упрекала аркадянку в потере девственности, та отвечала «так ведь ты же сама виновата». Особенно любезна комедиографам Леда-гусыня и ее замечательные яйца: помимо комедий Кратина, Эвбула и Софила специально о ней, это один из постоянных поводов для шутки². Комические воз-

¹ Hesych. s. v., Sch. Plat. Conv. 183b = Hes. F 124 Merkelbach – West.

² У того же Кратина в «Дионисоалександре» (F 46), у Эрифа (F 7).

возможности мифа об Антиопе (комедия Эвбула) не в превращениях, но в том, как Зевс проник к ней против воли отца и в характере ее сыновей-близнецов – силача и обжоры Зета и искусника Амфиона (F 10). Наконец, о том, как неосторожно ушедшая из дому Амимона едва вырвалась из объятий сатира, чтобы попасть в объятия Посейдона, известна сатирическая драма Эсхила и комедия Никохара. Не нужно видеть в победе бога воды над спутником Диониса торжество трезвости: ведь только после того, как от удара его трезубца забил источник, сатиры смогли смешать свое вино с его водами и получить вышеупомянутое «пять ко двум»¹.

Небожители не обходят вниманием не только земных девушек, но и мальчиков: известно три комедии о Ганимеде. Богиням же вообще пристало интересоваться только ими: Адонис, которого любили целых две богини – герой не менее пяти комедий, Анхиз, к которому приходила Афродита – двух. Эндимиону в одноименной комедии Алкея, надо полагать, влюбленная Селена налила слишком много вина и, заснув прямо на пиру, он так и не мог проспать. Неизвестно, о влюбленности ли Эос в Кефала шла речь в «Кефале» Филетера.

О влюбленности героев и мифы и комедии рассказывают реже: только в случаях нарушения норм. Так, Лай подражал страсти Зевса к Ганимеду, влюбившись в Хрисиппа (комедии Платона-комика и Страттида), а Ахилл – в Троила² (комедия Страттида?); о том же, возможно, шла речь и в «Фамирисе» Антифана – этот певец ведь считался даже изобретателем любви к мальчикам³. Канака сочеталась со своим возлюбленным братом Макареем, когда Вакх прибавил ему храбрости («Эолы» Антифана и Эрифа), а Лаодамия – с нежно любимым, но, увы, бестелесным супругом («Протесилай» Анаксандрида). Если же влюбленность героя не нарушает никаких норм, то он просто сватается, и здесь уместно перейти к другой важной теме мифологической комедии.

III. ЖЕНЩИНЫ

κὰν δέη τροχάζω στάδια πλείω Σωτάδου,
τὸν Ταυρέαν δὲ τοῖς πόνοις ὑπερβαλῶ,
τὸν Κτησίαν τε τῷ φαγεῖν ὑπερδραμῶ.

АТАЛАНТА (?) А я Сотада дальше пробегу,
Свершеньями Таврея превзойду
И Ктесия в еде перегоню.

Филетер, «Аталанта», фр. 4

Аталанта

О сватовстве мифы и комедии бывают тогда, когда оно затруднено – нежеланием отца девушки (сватовство к Альцесте, которую жениху пришлось увезти на колеснице, запряженной львом и кабаном, о чем могло говориться в нескольких из-

¹ Nicochares F 1.

² См. Lyc. 307, Serv. Aen. I 474.

³ Apld. I 3, 3.

вестных комедиях «Адмет», сватовство к Гипподамии, о котором не могло не говориться в комедиях «Эномай» и «Миртил»), или нежеланием самой девушки. Аталанта, которая сама не хотела замуж и сама могла переплюнуть женихов во всех героических доблестях – любимейшая героиня комедиографов. Десять комедий о ней (девять «Аталант», начиная с эпихармовской и включая одну сатирическую драму, и один «Меланион») – это самая большая цифра в списке известных мифологических комедий; больше нее число драм о Геракле и Одиссее, но только если считать вместе комедии на разные сюжеты из их биографии. При этом в эпической и трагической поэзии им ничего не соответствует, так что Аталанту можно назвать героиней мифологической комедии номер один, а миф о сватовстве к ней – мифом комическим по преимуществу.

Нельзя быть уверенным, что приведенная эпиграфом похвальба принадлежала самой Аталанте; возможно, это говорил ее жених, но и это подразумевает, что вызвавшая его на состязание невеста может отличиться во всех этих делах. Сотад и Ктесий, это, понятно, бегун и обжора (их упоминают и другие комедиографы), а вот труды или подвиги (πόνοι) Таврея, как выясняется, совершаются на кухне, потому что он – повар; ради этой доблести, наверно, к Аталанте и сватались. Согласно Гесиоду¹, Аталанта была беотийкой (а не аркадянкой, как в позднейших источниках), а исключительная способность беотийцев к пиршественным подвигам – догмат, от которого не отступится ни один комедиограф (например, в «Европе» Эвбула оракул повелевал Кадму: *построй «Фивы», град беотийцев, мужей, лучших в еде*; другие примеры приведены ниже, в связи с беотийцем Гераклом). Выкормленная медведицей, Аталанта, наверно, стала чем-то похожа на воспитательницу и, единственная из женщин, участвовала в деяниях, ради которых собирались все герои – калидонской охоте и плавании аргонавтов. Однажды на нее напали похотливые кентавры, но им не поздоровилось. Всех героев она могла одолеть не только там, где доблесть истинно комического героя проявляется ярче всего, т. е. за столом, но даже и на беговой дорожке, пока, наконец, обманутая Меланионом благодаря женской слабости к безделушкам², она не предалась упражнению в другой, доселе неведомой ей, но обязательной для героя комедии доблести с таким рвением, что это и привело к развязке, которую вовсе не обязательно воспринимать как трагическую: ведь отнюдь не все знатоки полагают вместе с Сервием (Aen. III 113), что льву и львице боги отказали в радостях Венеры, – Плиний (Hist. Nat. VIII 43), напротив, сообщает, что львицы лишь иногда изменяют львам с леопардами, а львы наказывают их.

Елена уступает Аталанте и числом комедий (около семи), и их древностью, и, прежде всего, доблестью. Алексид и Софокл написали о сватовстве к ней, Алексид и Платон-комик – о ее бегстве с любовником; о чем были остальные комедии – неизвестно.

¹ F 72-73 Merkelbach – West.

² А если они с Меланионом состязались не только в беге, но и на пиру, не заключалась ли хитрость золотых яблок в том, что она не смогла их разгрызть?

«Гинекократия» и перемена пола

Аталанта обладала мужскими доблестями и претендовала на мужские права; комедиографы последовательно находили в мифологии сюжеты о том, как где-то когда-то все женщины сделали то же и установили *гинекократию*. Даже если племя амазонок придумано не в шутку, все же три комедии «Амазонки» известно. Аристофан, кроме «Лизистраты» и «Женщин в народном собрании», написал еще две мифологических комедии о женском бунте и гинекократии: «Лемниянок» и «Данаид» (известно еще несколько комедий тех же названий). Слабое место всякой гинекократии в жалостливости женщин: так, на Лемносе, питающемся нежными бобами (Aristoph. F 357), Гипсипила все-таки пожалела своего отца Фоанта и устроила его бегство, хоть он и оказывался *медленнейшим из смертных* всегда, когда надо бежать (ibid.), а из Данаид Гипермнестра все-таки пощадила Линкея, которого Аристофан нарочно путал с другим, видевшим все насквозь Линкеем (F 259). Взбунтовались против мужчин и отказались выходить замуж и убежавшие в горы дочери Прета (комедия Феофила); они к тому же возомнили себя коровами, так что мычали и бодались¹, но в конце концов все-таки были исцелены умельцем Меламподом и выданы замуж.

Если мифы о героинях комедия отбирает те, в которых они похожи на мужчин, то о героях – наоборот. Хорошо, в частности, если они переодеты в женское платье: так, о Геракле у Омфалы известно две комедии и две сатировские драмы. В сатиrowsкой драме Иона, кажется, была в деталях изображена косметика, которой лидийские рабыни по случаю ежегодного праздника красят Геракла. Другой претендент на звание самого мужественного героя эпоса, Ахилл, в комедии тоже выводится женственным: он или переодет в женское платье (известный сюжет с Одиссеем на Скиросе), или в него, красавчика, влюблены (сатиры?)². Наряду с трагическими сюжетами, не мог быть пропущен комедиографами и миф о транссексуале Кенее-Кениде (комедии Антифана и Арара); любопытно, что нет сведений о Тиресии в комедии, хотя весь сюжет о его превращениях и о разрешенном им споре Зевса и Геры в высшей степени пригоден для этого.

IV. ГЕРОИ

ΛΙΝ. βυβλίον

ἐντεῦθεν ὅ τι βούλει προσελθῶν γὰρ λαβέ...
Ὀρφεὺς ἔνεστιν, Ἡσίοδος, τραγωδία,
Χοιρίλος, Ὀμηρος, ἔστ' Ἐπίχαρμος, γράμματα
παντοδαπά. δηλώσεις γὰρ οὕτω τὴν φύσιν,
ἐπὶ τί μάλισθ' ὤρμηκε. ΗΡ. τουτὶ λαμβάνω.
ΛΙΝ. δείξον ὅ τι ἐστὶ πρῶτον. ΗΡ. ὀψαρτυσία,
ὡς φησι τοῦπίγραμμα. ΛΙΝ. φιλόσοφος τις εἶ...

¹ Verg. Buc. VI 48 sqq.

² «Влюбленные в Ахилла» Софокла, «Ахиллы» Анаксандриды и Филетера, «Мирмидоны» Страттиды и Филемона.

ЛИН ...Иди сюда и книгу выбери
Орфей тут есть, и Гесиод, трагедия,
Херил, Гомер, и Эпихарм есть – всякие
Творенья, всевозможные; покажешь ты
Свою природу тем, к чему направишься.
ГЕРАКЛ Вот ту беру.
ЛИН Ну, покажи, с чего начнем?
ГЕРАКЛ Кулинария, так на ней написано.
ЛИН И впрямь философ ты!

Алексид, «Лин», фр.г. 135.

Комедий, хором которых были «Герои», известно много. Однако, как показывает фрагмент «Героев» Аристофана (58 Austin), речь шла не об именитых героях мифологической эпохи, а о тех безымянных, которых очень приблизительно можно назвать греческими домовыми. Они, в частности, насылают на неправедных всяческие болезни, устрашающий перечень которых и занимает большую часть фрагмента. Все же те герои, которых мы привыкли так называть, неоднократно выводились в комедии, и при этом совсем не обязательно пародирующей другой литературный памятник (эпос или трагедию): наличие такового – вовсе не необходимое условие совершения ими их героических подвигов; куда важнее, с точки зрения комедиографа, наличие пиршественной залы, вина и угощения. Прежде, чем перечислить их в порядке славы деяний, мы упомянем учителя, воспитавшего их доблести.

Хирон

Хирона особенно часто называют учителем Асклепия, Ясона и Ахилла, но иногда и значительно большего числа героев, т. е. потенциально всех – Ксенофонт в начале «Кинегетики» приводит каталог его учеников, возможно, взятый из какой-то эпической поэмы («Наставления Хирона»?), где перечислен двадцать один герой. Пускай «Филира» Эфиппа была посвящена одноименной гетере, а «Крон» Фриниха-комика неизвестно чему, история рождения Хирона с превращением царя баснословного века в жеребца и испугом матери, увидевшей небывалого младенца¹, давала комедиографам много возможностей. Сам почтенный наставник героев, являвшийся на лекцию, помахивая хвостом и цокая копытами, был выведен на сцену обоими Кратинами, старшим и младшим, а также Ферекратом.

Геракл и пиры

Известно более пятидесяти комедий и сатирических драм о Геракле. Мы кратко перечислим мифы о нем, любимые комедиографами.

Первый – это его рождение, которому посвящена единственная дошедшая мифологическая комедия («Амфитрион» Плавта), недошедшие «Амфитрионы» Архиппа и Ринфона и «Длинная ночь» Платона-комика. Именно ее длина, надо

¹ См. Noug. Fab. 138; впервые в «Титаномахии» Эвмела (см. sch. Ar. Rhod. I 554)?

полагать, сильно утомила Зевса и наутро, как сообщают мифографы¹, он заявил, что никогда больше не подойдет к смертной женщине.

Обучению Геракла наукам были посвящены «Лин» Алексида, одноименная сатирическая драма Ахея (там в молоденького Геракла был влюблен кто-то из сатиров) и, возможно, чья-то сатирическая драма «Ученики». Как герой учился, описывает приведенная эпиграфом цитата; мифографы говорят, что в конце концов он стукнул Лина лирой, которой никак не мог овладеть, так что тот скончался на месте, но комедиограф, конечно, мог ограничиться восклицанием учителя «ох, этот тупица все-таки загнал меня в могилу».

Двенадцати подвигам комедии посвящали редко (хотя иногда перечисляли их – см. F 223 Austin); известны лишь сатирическая драма Эсхила «Лев» (возможно, о первом из них) и сатирическая драма Софокла «Геракл на Тенаре», или «Цербер», о последнем. Неизвестно точно, о чем говорилось в сатирическом «Эврисфее» Еврипида – не о том ли, как он забрался в гидрию, увидев, как Геракл тащит брызжущего ядом трехголового пса (одна голова рычит, другая лает, третья воет, змея на хвосте шипит) или эриманфского вепря?

Любимейшее комедиографами деяние Геракла – это его бой с кентаврами (о комической сущности этого племени мы говорили) после обильной трапезы с возлияниями (кроме того, на помощь кентаврам пришла их мать Нефела, пролившая сильный дождь, так что многочисленные ноги бойцов не только заплетались, но и скользили²). Строго говоря, известно два таких боя: на пиру у Фола и на пиру у Дексамена; обоим посвятил по комедии Эпихарм, а кроме того, известно еще восемь комедий и сатирических драм, с большей или меньшей вероятностью говоривших о них.

Второе по популярности среди комедиографов деяние Геракла – его расправа над Бусирисом, в которой бой также следует за пиром (шесть комедий, включая Эпихарма и Кратина, и сатирическая драма Еврипида). Это преимущественно комический и «сатирический» миф, кажется, никогда не бывший сюжетом эпоса или трагедии. Грамматик Диомед приводит его в качестве примера в определении сатирической драмы – в ней *выводятся сатиры или персонажи смешные, похожие на сатиров, как Автолик и Бусирис* (р. 490, 20). Фабула начинается с веселой шутки Бусириса: он принес в жертву чужеземца, который советовал приносить в жертву чужеземцев. Фрагменты комедий подсказывают, что Бусирис приносил их в жертву, предварительно вызвав на состязание в обжорстве и победив; но Геракла, конечно, он превзойти не смог – ни в закуске, ни в выпивке, ни в потасовке. Слишком удачно было происхождение того: ведь по рождению он был беотийцем, которые *не сильны говорить* («точно» – замечал в сторону собеседник), *но сильны поесть*³, а по роду – тиринфянином, которые, как всем известно, в любую драку спьяну лезут

¹ Diod. Sic. IV 14, 4 etc.

² Diod. Sic. IV 12, 5. Матрид, источник Диодора, предполагает, что двуногий Геракл должен был скользить сильнее четвероногих противников; по нашему мнению, Нефела хотела протрезвить сыновей.

³ Фрагмент «Бусириса» Мнесимаха, по конъектуре Эдмондса.

(или в любое состязание по пьянству¹). В результате сочетания наследственных и личных доблестей получалась, по Эпихарму, такая картина:

*Увидев, как он ест, ты сразу умер бы:
Грохочет в глотке и скрежещут челюсти,
Клыки гремят свирепо и резцы стучат,
Свистит ноздрями и ушами двигает².*

Похожи на «Бусириса» сюжеты о расправе Геракла над другими силачами и «нечестивцами» – Антеем (комедия Антифана, в которой Геракл, кажется, приходил в его страну в виде нищего старика, и сатировские драмы Фриниха и Аристия), Герионом (комедия Эфиппа) и Силеем (сатировская драма Еврипида). Сюжет последнего известен: Геракл был продан ему в рабство и должен был работать на винограднике, но вместо этого заколол (принес в жертву отцу, как он говорил) лучшего быка, открыл лучшую бочку вина и устроил пир, а когда явился Силей, предложил ему, возмущенному, выпить вместе. Но тот в резких выражениях отказался и Геракл был вынужден поколотить хозяина. В конце концов (когда к Силею подошла подмога?) герой, по своему обыкновению, повернул какую-то реку (о его склонности к мелиорации часто говорится весьма серьезно, например, Diod. Sic. IV 18, 6-7) и затопил все хозяйство.

На пиру, надо полагать, Геракл сражался и за Деяниру с Ахелоем, в результате чего получил средство для вечного пира (рог Амалфеи, см. «Ахелоя» Демоника и «Амалфею» Эвбула); за Альцесту у Еврипида он тоже сражается после пира. Кроме Еврипида, об этом писали Антифан («Альцеста»), Аристомен, Феопомп и Софокл («Адмет»; впрочем, эти драмы могли быть посвящены его сватовству). Похожей на «Альцесту» Алексид, возможно, сделал «Гесиону»: фрагменты описывают пир, а потом Геракла, наверное, шел выручать девушку.

Мы не исчерпали ни всех известных комедий и сатировских драм о Геракле (весьма интересно было бы выяснить, например, о чем шла речь в «Геракле в Зостере» или «Геракле, отправляющемся за поясом» Эпихарма – о битве с амазонками³), ни всех мифов о Геракле, содержащих нечто комическое (дочери Фестия, Несс и др.). Закончились же перипетии его судьбы самым роскошным пиром – его свадьбой с Гебой на Олимпе, о которой мы говорили выше и которая объединяет в комическом цикле мир богов и мир героев.

Если помнить о необходимости чуть ли не в каждой комедии пира и описания блюд, два мифа становятся особенно смешными: о Финее (комедия Эвбула), которому Гарпии не давали поесть, портя все шедевры поваров, и об Айтоне (т. е. Эрисихтоне, сатировская драма Ахея), которого ни одно блюдо не могло удовлетво-

¹ Οἱ μεθύοντες ἀεὶ τὰς μάχας πάσας μάχονται – «Бусирис» Эфиппа.

² Πρᾶτον μὲν αἰ κ' ἔσθοντ' ἴδοις νιν, ἀποθάνοις // βρέμει μὲν ὁ φάρυγξ ἔνδοθ', ἀραβεῖ δ' ἄ γνάθος, // ψοφεῖ δ' ὁ γομφίος, τέτριγε δ' ὁ κυνόδων, // σίλει δὲ ταῖς ῥίνεσσι κινεῖ δ' οὐατα – Epich. F 21.

³ Зостер (букв. пояс) – местность в Аттике и одновременно пояс Ишполиты, ср. Tzetz. Sch. Lyc. 1332, Diod. Sic. II 46, 3.

рить и насытить. Становятся на свое место и комедии на людоедские сюжеты – о Полифеме, о Фиесте и Терее и т. п.

Тесей и расправы над злодеями

Мифографы часто утверждают, что Тесей подражал Гераклу и его подвигам, и поэтому о них уместно рассказывать друг за другом. Рождению (точнее, зачатию) Тесея мог быть посвящен «Эгей» Филиллия (ср. «Амфитрион»): ведь Посейдон и Эгей приходили к Эфре в одну ночь, как Зевс и Амфитрион к Алкмене, только она, в отличие от Алкмены, была незнакома ни с тем, ни с другим. Из событий его жизни комедиографы чаще говорили о подвигах, совершенных на Истме. Истмийским подвигам не посвящались ни поэмы, ни трагедии; это тема вазописи и комедии, и рассказам о жестоких механизмах Синиса и Прокруста, которые не вполне типичны для греческих мифов, свойственен своего рода черный юмор. Комические драмы, начиная с Эпихарма, чаще других писали о Скироне (известна также сатировская драма Еврипида) и Керкионе (сат. драма Эсхила); последнего, согласно Кратину, Тесей *задушил*, когда тот *поутру по нужде пошел в капусту* (F 49). У Керкиона была еще и дочь, Алопа, о которой написал сатировскую драму Херил; хотя фабула Гигина «Алопа» (187) рассказывает совсем другую историю, можно предположить, что Тесей, убив Керкиона, не оставил Элевсин без наследника царского рода (конечно, тоже в подражание Гераклу).

Комедии об истмийских разбойниках сходны с «Бусирисами» и «Антеями»: герой наказывает злодея. Законченный злодей (обычно еще и хвастающийся своими злодеяниями) есть типичный персонаж комедии, ибо наказание его вызывает смех и удовлетворение, как и говорит Аристотель в «Поэтике» (указывая, что герой трагедии не должен быть таковым, но – ни плохим, ни хорошим). К этой же группе комических мифов относится «Амик» (известны комедия Эпихарма и сатировская драма Софокла о том, как его побил Полидевк).

Когда Тесей наконец прибыл в Афины, хор гражданок, согласно «Беглянкам» Кратина, приветствовал его:

*Города Пандионийского царь
Пашнями тучного, знаешь, о чем мы... –*

а непривычный ни к высокой лексике, ни к царскому титулу молодой герой, не дослушав, отвечал:

Знаю игру эту – в город с собакой...¹ –

имея в виду разновидность известной греческой игры *πεσσοί*, в которой доска была расчерчена на «города», а бросаемые кости назывались «собаками».

Неизвестно, критским ли подвигам были посвящены «Тесеи» Анаксандрида, Аристонима и Феопомпа, и спуску ли в Аид за Персефоной – «Пирифой» Аристофонта, но та деталь, что часть ягодиц Тесея осталась на скале в Аиде, на которую они с Пирифоем там сели, к которой по воле богов приросли и от которой,

¹ Πανδιονίδα πόλεως βασιλεῦ // τῆς ἐριβόλακος, οἷσθ' ἦν λέγομεν; // καὶ κύνα καὶ πόλιν ἦν παίζουσιν – F 56.

дернув со всей силы, оторвал-таки своего неудачливого подражателя Геракл, конечно, есть деталь мифологической комедии (если не в узком, то хотя бы в широком смысле слова)¹.

Персей-счастливчик

Персей, при всей его важности в местных преданиях Арголиды² и в генеалогии героев³, никогда не был героем эпоса и весьма редко – трагедии⁴; все основные сюжеты о нем имеют веселый сказочный оттенок, начиная с неприкрытого комизма истории о Данае и золотом дожде. Если быть точным, по-гречески не говорится о привившемся в новых языках «дожде»; говорится, что Зевс *стал золотом и втек*⁵; *дождь* (*imber, pluvius*), появляется у римских поэтов⁶. Помимо комедий Саннириона и Аполлофана «Даная», это одна из традиционных, избитых тем для острот комедиографов и прочих острословов⁷. Второй веселый эпизод истории Данаи – грубоватые рыбаки на заброшенном острове, извлекающие сеть сундук, из которого вдруг появляется заморская царевна (сатировская драма Эсхила Δικτύολκοι, *Рыбаки*, и «Серифияне» Кратина)⁸. Говорящее имя рыбака, Диктис, также указывает на несерьезность истории.

Сыну Данаи покровительствовал Гермес, бог хитрецов, и даже дал, для пущего сходства, свои баснословные сандалии, чтобы тот летал над не менее баснословными странами, над которыми смеется Кратин в «Серифиянах» (F 208); главное при этом не забыть потеплей одеться, а то смертного ветер продувает (F 207). В театре Персей висел в воздухе при помощи театральной машины, μηχανή, что буквально значит *хитрость, уловка*, и слово μηχανοποιός, то ли *хитрец*, то ли *машинист*, давало комедиографам повод для двусмысленных шуток, сохранившихся в папирусном фрагменте схолий к Кратину (F 74 Austin)⁹.

В своих странствиях Персей встречал всяких существ, одно другого смешотворнее; чего стоят одни старухи-Форкиды с их коллективным глазом и зубом, который они при этом то и дело теряют («Форкиды» – сатировские драмы Софокла и Тимокла), да и Горгоны, такие уродины, что один раз взглянешь – и все («Горгоны» – комедия Гениоха). Свой главный подвиг он совершил хитростью, отвернувшись, и сразу пустился в бегство, а в результате приобрел оружие для моментального уничтожения любых врагов – только бы не забыть самому отвернуться, когда свалишься им на голову! Этим же оружием он приобрел невесту («Андромеда» Ан-

¹ Suda s. v. Λίσποι.

² Paus. II 15, 1; 18, 1; 20, 4; 21, 5 etc.

³ Hes. F 135 Merkelbach – West, Apld. II 4, 5 sqq.

⁴ «Андромеды» Софокла и Еврипида.

⁵ Χρυσῶ παραπλήσιος ῥεῖ – Phercyd. F 10 Jacoby, χρυσὸς γεγώς... ῥεύσειεν – Eur. F 1132 Nauck, μεταμορφωθεῖς εἰς χρυσόν... εἰσρueίς – Apld. II 4, 1, χρυσὸν γενόμενον ῥυῆναι – Luc. Dial. mar. 12.

⁶ Terent. Eun. 585, Ovid. Met. IV 611.

⁷ Athen. VIII 34, Terent. loc. cit.

⁸ Ср. комедии об Авге, также плававшей в сундуке.

⁹ Вроде *все получится, если только наш μηχανοποιός* (либо сам Персей, либо машинист сцены) *не оплошает*.

тифана), пролетая мимо как раз в тот момент, когда на нее, невинную и одинокую, уже надвигалось ужасное чудовище, а потом еще отстоял ее против скучного законного жениха (тот стал совсем скучной статуей) и завершил веселую сказку чем положено – свадьбой. Страбон (X 487) сообщает, что напоследок Персей превратил *всех* серифян в камень – если тех серифян, которые были хором драмы Кратина, это была первая комедия, заканчивавшаяся *немой сценой*.

Потом, надо полагать, они жили долго и счастливо и умерли в один день, когда Андромеда решила протереть пыль с головы Горгоны. Тогда Персея взяли на небо, причем не только с женой, но – в наказание за стольких навеки окаменевших по его вине? – еще и с тестем, с тещей и с чудовищем, где они все и сияют по сей день.

Мелеагр

Судьба другого героя, Мелеагра, нисколько не кажется современному читателю веселой, – прежде всего из-за ее благородно трагического освещения в рассказе Феникса у Гомера. Однако известно шесть комедий «Мелеагр» или «Алфея». Уместно вспомнить, что семейство Ойнея связано с Дионисом: «Ойней» вообще значит «Винник», Дионис ему первому дал виноград, а Гигин сообщает, что Ойней даже по-дружески уступал ему на ночь Алфею¹ (отчего родилась Деянира, а может быть, и сам Мелеагр). Пребыванию Диониса у Ойнея могла быть посвящена комедия «Ойней» Диолоха, соперника Эпихарма. О чем шла речь в остальных «Мелеаграх», можно только гадать; у Ринфона он, как Геракл в «Омфалах», оказывался рабом (драма называлась, вероятно, Δουλομελέαγρος).

Для уяснения комической стороны Калидонской охоты можно сказать, что она вообще-то была произведена на свинью, разрывавшую Ойнеев огород (I 540), а потом ее участники поругались и подрались (не на пиру ли?) из-за шкуры этой свиньи и из-за женщины, да не простой, а любимой героини комедиографов Аталанты. Несчастливая же Алфея, которая сожгла головню, заключавшую в себе жизнь ее сына, могла изображаться в комедиях колдуньей (ср. фрагмент «Алфеи» Феопомпа).

Беллерофонт и глупые богоборцы

Беллерофонт (так называлась комедия Эвбула) похож на Персея тем, что летает при помощи баснословных средств и воюет с чудовищами. Вроде бы всерьез рассказанная Гомером история о том, как он сам нес письмо с распоряжением себя повесить, анекдотична, если допустить, что он просто не умел читать. Комедиографы не могли оставить без внимания историю о том, как к молодому гостю приставала жена старого хозяина, а потом валила все на него; этому, наверно, были посвящены «Антии» Антифана и Филиллия (трагики называли жену Прета Сфенебеей). Наконец, его потуги взлететь на небо и низвержение оттуда вверх тор-машками тоже вполне пригодны для комической сцены.

¹ Hyg. Fab. 129, cf. Apld. I 8, 1.

Если серьезная поэзия изображает богоборчество героев как результат их гордости, то комедия могла изображать его как результат их глупости (или просто пьянства). Вряд ли зрители сатировской драмы Софокла «Салмоней» не чувствовали, что делать вид, будто грохот медных тазов – это гром, не столько кощунственно, сколько нелепо¹; вряд ли Фамирис в комедии Антифана или Иксион в комедии Эвбула принимали свои смелые решения по трезвом размышлении. Не потому ли Иксион и принял за Геру расплывчатое облако, что перед глазами у него и так все плыло? Пировавший с богами и выдававший людям их тайны Тантал с точки зрения комедиографа просто проболтался, не проспавшись после очередного пира, так же, как и Анхиз, за чашей не удержавшийся от того, чтобы похвастаться собутыльникам, какая женщина (не женщина – богиня любви!) к нему приходила (Hug. Fab. 84).

Одиссей и прочие хитрецы и умельцы

Но в традиционном списке подвергающихся наказанию в Аиде богоборцев есть один, которому ни один комедиограф не смог бы приписать глупости, но только, напротив, излишек ума. Это Сизиф, герой сатировских драм Эсхила и Еврипида. Комизм мифов о нем, в особенности о его столкновении с не меньшим, чем он, умельцем, Автоликом (сатировская драма Еврипида), слишком очевиден, чтобы на нем задерживаться. А внуком и «крестником» (т 409) Автолика и, по комической версии, сыном Сизифа был Одиссей, второй (после Геракла) по популярности среди комедиографов герой (не менее 25 комедий и сатировских драм).

Первые комические драмы об Одиссее написал Эпихарм – «Одиссей-перебежчик» (о каком-то эпизоде Троянской войны, скорее всего, неизвестном Гомеру) и «Кораблекрушение Одиссея» (о каком-то эпизоде его плавания). Вымышленным ad hoc сюжетам с участием Одиссея были, возможно, посвящены «Одиссей за ткацким станком» и «Омовение Одиссея»² Алексида; из традиционных же первый для комедии – это, конечно, Одиссей и циклоп, с чудищами, пребывающими в блаженной дикости, с пьянством, обманом и людоедством. О них первым написал комедию Эпихарм, им посвящена единственная сохранившаяся сатировская драма Еврипида; известны сатировская драма Аристия и комедия Антифана, а сколько-то содержательные отрывки дошли от комедии Кратина. Самый экспрессивный из них перечисляет всевозможные острые приправы, которыми Полифем собирает разнообразить пресное меню из спутников Одиссея. Известно четыре драмы (начиная с Динолоха и Эсхила) о том, облик каких скотов они приняли на острове женщин (см. выше о лемнианках), у Цирцеи, и еще одна о том, как Одиссей не мог вырваться с другого острова женщин, от Калипсо. Три драмы (одна Софокла) известно о том, как голого и грязного Одиссея нашла на берегу Навсикая со служанками (и он успел подумать, что попал на третий такой же остров). Две ко-

¹ Салмоней заявлял, что он – Зевс, и имитировал грохотом металла – гром, а факелами – молнии, за что и был поражен настоящей молнией.

² Или это о Навсикае? «Одиссей, или Всезнайки» (Ὀδυσσεύς ἢ πανόπται) Эвбула – это, похоже, не одна драма, а две, стоявшие рядом в каком-то алфавитном перечне.

медии известно о Сиренах и одна – о посещении Одиссеем Аида. Событиям на Итаке, возможно, была посвящена «Пенелопа» Феопомпа; по догадке Эдмондса, там заканчивалось и действие комедии Кратина. Наконец, Эсхил написал сатирическую драму по эпизоду «Одиссеи» без Одиссея – о Протее и Менелее.

Как другой хитрец, Паламед, соревновался с Одиссеем, кто кого перехитрит, рассказывалось в сатирической драме Февдота и комедии Филемона.

Именно как хитрецы, обманывающие и расправляющиеся со злобным супостатом Эномаем (имя которого подозрительно похоже на слово οἶνος¹), представляли интерес для комедии и Пелопс с Миртилом (известно три драмы).

Дедал и ходячие статуи

Многие хитрости Одиссея – Троянский конь, Сирены, кол, ослепивший Полифема – заключаются в изобретении неких механических приспособлений, а Паламед вообще считается изобретателем множества вещей. Они были μηχανοποιόι, *умельцы*, а главный *умелец* мифологии и мифологической комедии – это Дедал, не вдохновенный мастер, а вдохновенный хитрец, ловкач и завистник (из зависти он хитростью убил племянника). Известно четыре драмы «Дедал» (в том числе Софокла и Аристофана), одна «Пасифая» (о самом скандальном из его изобретений – механизме для удовлетворения противоестественных страстей) и два «Миноса», возможно, о том, как Дедал перехитрил царя и сбежал, как был все-таки пойман им (именно на своем безудержном хитроумии), и как все-таки хитростью погубил своего врага в святыне комедиографов – горячо натоленной бане². Дедал летает по сцене, что неизменно вызывает в комедии смех и шутки относительно машиниста (Aristoph. F 188, ср. выше о Персее). Его хитроумные статуи, умеющие ходить и говорить, прикидываются людьми, а хитроумные люди могут прикидываться его статуями (я не я, я статуя Дедала, а со статуи какой спрос? – Plato Com. F 188). Кроме того, эти статуи надо связывать, а то уйдут (Aristoph. F 194), а если такую статую украдет вор, то скажет потом, что сама к нему пришла (Cratin. F 74). Божественный умелец, Гефест, тоже делает такие (Σ 418). Его изделием был Талос, охранявший Крит, а фрагменты софоклова «Дедала» наводят на подозрение, что именно он и не выпускал Дедала с Крита; но тот, кто умеет делать хитрые машины, умеет их и отключать, что Дедал и сделал, вытащив из лодыжки Талоса пресловутую затычку.

Полиид и воскрешение мертвых

Дедал делал такие вещи, что не отличить от живых, но были и еще большие мастера: уже не умельцы, а прямо чудодеи. Хотя комедии «Асклепий» Антифана и Филетера могли быть посвящены не мифам о нем, а сценам в его святилище в Эпидавре, воскрешение мертвых, мнимое или настоящее – нередкая для комедии тема (ср. «Всадников» Аристофана). О нем шла речь, например, в «Народотинда-

¹ Ср. Nicochares F 1.

² Однако «Кокал» Аристофана, похоже, не был посвящен этому мифу, хотя Кокалом звали царя, дочка которого, влюбившись в Дедала, способствовала гибели Миноса.

рее» Полизела (Тиндарей упоминается в списках воскрешенных Асклепием), или в «Пелиадах» Дифила и «Кормилицах Диониса» Эсхила, где мертвых варила и воскрешала колдунья и обманщица Медея.

Но лучшая комическая история о воскрешении – история Полиида («Полиид» Аристофана и, возможно, «Главки» Антифана и Эвбула), сказка столь же веселая, сколь подталкивающая к поиску многозначительности: сладкоежка Главк, исчезнувший, утонув в бочке с медом, веселая загадка про трехцветную корову (ср. выше о самокрасящихся овцах), ответ на которую – дело скорее остроумия, чем мудрости, жалобы запертого в гробнице Полиида, обязанного под страхом смерти воскресить Главка, но нисколько не умеющего это делать, чудесное разрешение задачи и заключительная шутка мудреца (т. е. хитреца) над тираном: Минос приказал Полииду обучить Главка всей ему известной премудрости, а иначе, дескать, он не отпустит его с Крита домой, и Полиид повиновался, но, стоя на корабле и прощаясь с учеником, велел тому плюнуть ему в рот, и Главк все забыл¹. Только ни находить пропавшее, ни воскрешать Полиид вообще-то не умел (одно ему показала сова, другое – змея), так что ничему, скорей всего, Главка и не учил, а прощальную сцену разыграл только для того, чтобы Минос чувствовал себя оставшимся в дураках².

V. «ПАРОДИЯ»

χιτῶνά μοι
φέρων δέδωκας δαιδάλεον, ὃν ἤκασεν
ἄρισθ' Ὀμηρος κρομμύου λεπυχάνῳ.

ОДИССЕЙ (Пенелопе) ...ты мне хитон тогда
Расшитый принесла еще, тот, что сравнил
Гомер (τ 233) отлично с шелухою луковой.

Феопомп, «Одиссей», фрг. 33

Гомер и Троянская война

Еще один повод сделать миф сюжетом комедии – возможность напомнить зрителям о каком-либо хорошо им известном его изложении. Это называют «пародией», привычно и не совсем корректно, так как в современном русском языке это слово предполагает демонстрацию недостатков исходного текста. Приведенная эпиграфом цитата показывает, что, по крайней мере по отношению к Гомеру, это не обязательно так: смешна не столько «низменность» неожиданного гомеровского сравнения, сколько то, что Одиссей, будучи Одиссеем, все же проходил в школе «Одиссею», а будучи комическим Одиссеем, вряд ли многое, кроме луковой шелухи, оттуда запомнил. Так что ἄρισθ᾽α совсем не обязательно понимать ирони-

¹ Hyg. Fab. 136, Ael. Nat. Anim. V 2, Apld. III 3, 1 etc.

² Неизвестно, какой миф об Орфее излагался в «Орфеях» Антифана и Аристия; о неудавшемся ли воскрешении Эвридики (тогда их следовало бы отнести к этому разделу) или о его женоненавистничестве; изображение животных и деревьев, слушающих его игру, весьма пригодно для комедии.

чески – и в самом деле *отлично* (с точки зрения комической поэзии, по крайней мере).

О комедиях на сюжеты «Одиссеи» мы уже говорили; содержание «Илиады» таково, что она привлекала комедиографов значительно меньше, хотя первые комедии о Троянской войне написал уже Эпихарм («Антенор» и «Троянцы»). Об Ахилле комедии шла речь выше. Один из немногих недвусмысленно комических эпизодов «Илиады», о Долоне, обработан Эвбулом.

Ужасы трагедии

Недошедших комедий, имевших те же названия и, скорее всего, примерно те же сюжеты, что и кишачие ужасами трагедии, десятки. Наверно, к своим прославленным словам, что один и тот же поэт должен уметь писать и трагедию, и комедию (Plat. Conv. 223d), Сократ только потому не добавил *«и при этом на один и тот же сюжет»*, что это разумелось для слушателей само собой. Обзор собственно пародирования трагедии далеко выходит за рамки нашей задачи (поискать, какие же мифы комичны сами по себе), и мы укажем только некоторые черты.

Известно семь комедий «Медея» и еще один «Ясон». Первые комические «Медеи» были написаны задолго до Еврипида Эпихармом и Динолохом, т. е. никак не могли быть «пародией на трагедию»¹. Обманывала ли она в них отца ради любовника, варила ли обед из Пелия при помощи его несчастных дочек или наказывала мужа, изменившего подурневшей, но все еще опасной ведьме – неизвестно; однако даже предания о ее жизни в Коринфе, ставшие благодаря Еврипиду неким эталоном трагедии, содержат куда более веселые малоизвестные детали. Так, там в нее влюбился Зевс, но она, кажется, единственная из смертных женщин, отказала ему (вряд ли это можно было сделать без хитрости), за что была облагодетельствована Герой. Сама же Медея была влюблена в Сизифа – надо полагать, без взаимности, потому что ребенок таких родителей должен был бы стать центральным персонажем мифологической комедии².

Вот список «типичных» трагедий, приведенный Аристотелем в «Поэтике» (1453a 20): «Алкмеон», «Эдип», «Орест», «Мелеагр», «Фиест», «Телеф»... Все это – названия не только трагедий, но и комедий, позволяющих не оставить все эти мифы за пределами «комического цикла». Добавим: «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде», «Семеро против Фив», «Финикиянки», «Терей», «Афамант», «Неоптолем», «Ипполит», «Эрехтей» и др. «Орестов» известно даже пять, хотя нам трудно уловить в его судьбе комические повороты – разве что он пришел в родной дом, одетый рабом? Впрочем, любое чересчур трагическое событие могло быть просто устранено согласно констатированному Аристотелем чуть ниже способу: *те, кто по мифу злейшие враги, как Орест и Эгисф, к концу становятся друзьями* (не после возлияний ли?) *и никто никого не убивает* (Poet. 1453a 37). Не по той же ли

¹ Эпихарм же написал комического «Филоктета» задолго до трагического.

² Sch. Pind. Ol. XIII 74, со ссылкой на Феопомпа (обычно считают, историка, но был ведь и такой комедиограф).

причине померещились за столом всякие ужасы Фиесту и Терею, и в глазах первого солнце пошло назад, а в ушах второго сварливая супруга запела соловьем?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам удалось расставить в некоем порядке и упомянуть не все мифы, использованные мифологической комедией; особенно жалко нам чудесную охотничью собаку Прокриды, которую, согласно Эвбулу (F 90), надо было укладывать спать на подстилке из милетской шерсти и укрывать тончайшей тканью (*ξυστίς*), сдобривать ей кашу гусиным молоком (*sic*) и смазывать лапы мегаллейским миром.

Найти отдельные мифологические сюжеты, которые не удастся по сохранившимся данным включить в «комический цикл», нетрудно (самые яркие примеры были приведены выше – Гефест и Афродита, превращения Тиресия; можно добавить Марсия или Феофану, из-за которой целый город превратился в стадо баранов, *Нуг. Fab.* 188); трудно найти такой разряд мифов, такую мифологическую тему, которая не была бы затронута комедией или басней. Наименее пригодные для комедии мифы, т. е. такие, основным содержанием которых является непоправимая (т. е. не исправленная превращением, воскресением, восхождением на Олимп) смерть героя – в поединке с другим героем или в результате трагического сплетения обстоятельств – втягиваются в комический цикл путем «пародирования» эпоса и трагедии. В остальных отыскивается нечто смешное само по себе, без литературного посредника, принимающего на себя удар заключенного в сюжете несчастья. Вряд ли будет неожиданным суждение, что основа этого смешного – удивление чудесному и невероятному, содержащемуся в мифах. К чудесному и невероятному, конечно, относятся и свойственные комедии картины беззаботного счастья богов или пирующих героев, и образы беспросветных злодеев, и женщины, заменившие мужчин: все это смешно, потому что удивительно и непредставимо. Пока поэт и зритель удивляются и радуются чудесам, они с удовольствием смеются мифам, не смущаясь их неправдоподобия; когда они начинают им завидовать, им приходится вменить неправдоподобие мифам в вину и смеяться уже *над* ними; но это происходит недолго – ведь это на самом деле не смешно. А тот, кто вышел из пещеры Трофония, как известно, вообще не будет смеяться – ни «мифам», ни «над мифами», ни всему перечисленному в этой статье, ни любым другим ухищрениям комедиографов. Комедиографу всегда следует помнить об этом серьезнейшем из зрителей, еще лучше – выводить его прямо на сцену, как это сделал первым Кратин в своем «Трофонии», а потом и другие.